
Е. Г. Новикова

ПЕТРАШЕВЦЫ В «ВОСПОМИНАНИЯХ» Г. Н. ПОТАНИНА

Одним из направлений научной деятельности В. А. Викторovichа является изучение «коломенского» (регионального) текста русской литературы¹. «Коломна заговорила от лица российской провинции», — утверждает ученый².

В свою очередь, «от лица» Сибири в конце XIX — начале XX вв. говорил, прежде всего, один человек — её духовный лидер Григорий Николаевич Потанин (1835–1920). «Потанин пользовался по всей Сибири громадной популярностью, почти такой же, как Лев Толстой в России», — писал его современник известный сибирский писатель В. Я. Шишков³.

Великий сибирский энциклопедист⁴, известный путешественник, исследователь Монголии, Китая и Тибета, этнограф, фольклорист, писатель, литературный критик и публицист, видный общественный деятель Сибири второй половины XIX — начала XX вв. Г. Н. Потанин оставил свои «Воспоминания»⁵,

¹ *Викторovich В. А.* Коломенский текст русской литературы: к определению понятия // Коломна и Коломенская земля: история и культура: Сб. статей / Сост. А. Г. Мельник, С. В. Сазонов. Коломна, 2009. С. 336–345.

² Там же. С. 345.

³ *Шишков Вяч.* Мастерство литератора // Смена. 1956. № 19. С. 14.

⁴ См.: *Сагалаев А. М., Крюков В. М.* Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск, 2004.

⁵ См.: *Потанин Г. Н.* Воспоминания // Лит. наследство Сибири. Т. 6 / Сост. Н. Н. Яновский. Новосибирск, 1983.

широко известные всем, кто изучает историю сибирской науки, культуры и литературы.

Неоднократно в своих «Воспоминаниях» Г. Н. Потанин обращается к петрашевцам, показывая, что именно они сыграли ключевую роль в формировании его мировоззрения; тем не менее, этот материал крайне редко вводится в специальный научный оборот.

Сразу же следует уточнить, что Ф. М. Достоевский появляется в «Воспоминаниях» Потанина только однажды, и это некая вполне комическая ситуация: «В Семипалатинске я встретился с Достоевским, но только на минуту; я входил в двери, а он выходил. Я остановился по одну сторону дверей, чтобы дать ему дорогу, он, оставаясь по другую сторону, предлагал мне первому перешагнуть порог. Произошло препирательство. Наконец он, улыбаясь, сказал: “Десять тысяч китайских церемоний!” Вот и всё, что я от него услышал»⁶. Отношение Потанина к Достоевскому — это особая тема, определяемая его достаточно специфическим восприятием творчества писателя, что также отразилось в «Воспоминаниях». Патриота Сибири Потанина по-настоящему волнует только «сибирская беллетристика»⁷, литература о Сибири. Поэтому в творчестве Достоевского он обращал внимание, прежде всего, на «Записки из Мёртвого дома», но и это произведение, с его точки зрения, проигрывало научным исследованиям сибирской тюрьмы и ссылки, подобным книге Н. М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке»⁸. По мнению Потанина, Достоевский написал только «психологический трактат о жизни “мёртвого дома”»⁹, тогда как книга Ядринцева стала «первым сибирским памфлетом против ссылки»¹⁰. Отсюда, думается, — это вполне легкое, ни к чему не обязывающее описание семипалатинской встречи с писателем Достоевским.

⁶ Там же. С. 63.

⁷ Лит. наследство Сибири. Т. 7 / Сост. Н. Н. Яновский. 1986. С. 236.

⁸ См.: Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке / Сост., автор предисл. и примеч. С. А. Иникова; Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2015.

⁹ Потанин Г. Н. Воспоминания. С. 236.

¹⁰ Там же.

Совершенно иное дело — петрашевцы как явление российской политической жизни, «политики»¹¹. В середине 1850-х гг. молодой Потанин, родившийся и воспитанный в среде сибирского казачества, окончивший Сибирский кадетский корпус и уже послуживший в чине хорунжего и командира казачьей сотни, познакомился в Омске с С. Ф. Дуровым. Петрашевец Дуров проживёт в Омске с 1855 г. по 1857 г., когда ему будет разрешено покинуть Сибирь. Познакомил их Ч. Ч. Валиханов; вот как описывает это Потанин: «Однажды он свёл меня к петрашевцу Дурову, и тут я в первый раз узнал, что существует особая порода людей, которых в Сибири называют “политики”». До свидания с Дуровым я обожал императора Николая I <...> Я увидел в нём человека, всем своим существом протестовавшим против николаевского режима <...> Всё, что Дуров рассказывал мне о Николае, все мои представления об этом царе, составленные по рассказам поклонников императора, после рассказов Дурова оказались опрокинутыми вверх дном»¹².

Одна встреча с Дуровым превратила верноподданного сибирского казака Потанина в иного человека: «Дуров в один вечер совершил со мной метаморфозу: его речи были оглушительны, потому что происходили от человека, глубоко пострадавшего от николаевского режима. Мои взгляды совершенно перевернулись не только на Николая I, но и вообще на монархизм»¹³.

На Потанина также большое впечатление произвела рассказанная Дуровым история петрашевца Н. П. Григорьева. Вот она — в передаче Потанина: «Он мне рассказал историю Григорьева, своего товарища по несчастью. Григорьев в числе петрашевцев был приговорен к расстрелянию. Он стоял с завязанными глазами перед взводом с направленными на него ружьями, и в это время завязка спала с его глаз. Он увидел, что солдаты, которые должны были покончить с ними, взяты

¹¹ Там же. С. 119.

¹² Там же. С. 119–120.

¹³ Там же. С. 120.

из его роты, и между ними фельдфебель, которого он очень любил; любимый человек должен был отдать приказ палить. Приговор к смертной казни не был исполнен над петрашевцами. Григорьев, как и другие, объявленные главными виновниками, был отправлен в Сибирь на каторгу, но он был привезён туда помешанным. Картина, которую он увидел, когда спала с его глаз повязка, так на него подействовала, что он моментально сошёл с ума. Когда ему было разрешено выехать в Россию, Дуров увиделся с ним в Омске; Григорьев прожил в квартире сутки или более. Дуров рассказывал мне, что Григорьев был помешан на мести Николаю. Он брал в руки какое-нибудь острое оружие, упирал его в стену, сверлил ее и воображал, что сверлит сердце Николая. «Вот над этой самой стеной он производил эту операцию, — говорил мне Дуров, указывая на одну из стен»¹⁴.

Этот рассказ Дурова–Потанина представляется крайне интересным в нескольких аспектах, несмотря на то, что его правдоподобие, конечно, вызывает вопросы.

Как известно, Н. П. Григорьев, вместе с М. В. Петрашевским и Н. А. Момбелли, был в той первой тройке петрашевцев, которых поставили к перед солдатами с наведёнными на них ружьями: «Петрашевского, Момбелли и Григорьева повели, привязали к столбам и завязали глаза»¹⁵. Принято считать, что в этой смертельной ситуации скинул с себя смертный колпак М. В. Петрашевский. В «Воспоминаниях» же Потанина, во-первых, «завязка спала с его глаз» сама (хотя, конечно, на них как на смертниках были не простые «завязки») и, во-вторых, это был не Петрашевский, а Григорьев.

Более того, именно этой ситуацией далее объясняется то, что Григорьев прямо на эшафоте сошёл с ума. Из устного рассказа об этом Достоевского (записан Е. П. Летковой (Летковой-

¹⁴ Там же. С. 119–120.

¹⁵ *Львов Ф. Н.*, Буташевич-Петрашевский М. В. [Записка о деле петрашевцев] // Первые русские социалисты. Воспом. участников кружков петрашевцев в Петербурге. Л., 1984. С. 58.

Султановой) «зимой 1878–1879 года»¹⁶): «На эшафоте... Чей-то чужой, громкий голос: «Приговорены к смертной казни расстрелянием»... <...> Несчастный Григорьев сошёл с ума»¹⁷. В тексте Дурова–Потанина мгновенное сумасшествие Григорьева превращается в специальную развёрнутую историю: «и в это время завязка спала с его глаз. Он увидел, что солдаты, которые должны были покончить с ними, взяты из его роты, и между ними фельдфебель, которого он очень любил; любимый человек должен был отдать приказ палить <...> Картина, которую он увидел, когда спала с его глаз повязка, так на него подействовала, что он моментально сошёл с ума».

Следует заметить, что история Григорьева об увиденной им перед собой собственной роте и любимом фельдфебеле подтверждается, хотя бы отчасти, другим источником. Молодой барон А. Е. Врангель, учившийся в это время в Александровском лицее, выпускниками которого были М. В. Петрашевский, Н. А. Спешнев и другие петрашевцы (и позже в Семипалатинске ставший близким другом Достоевского) вспоминает о дне их казни: «В это время вошёл мой дядя Владимир Ермолаевич Врангель, младший брат отца, служивший в конно-гренадерах, и объяснил мне, что <...> везут на Семёновский плац петрашевцев, приговорённых к смертной казни, и что он пришёл со своим эскадром из Петергофа, так как один из офицеров эскадрона, Григорьев, замешанный в деле Петрашевского, также должен быть казнён»¹⁸. Эскадрон, в котором служил Григорьев, специально пришёл на казнь из Петергофа.

«Когда ему было разрешено выехать в Россию, Дуров увиделся с ним в Омске; Григорьев прожил в квартире сутки или более <...> “Вот над этой самой стеной он производил

¹⁶ *Леткова Е. П.* О Ф. М. Достоевском: Из воспоминаний // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: [В 2 т.] Т. 2. М., 1964. (Серия лит. мемуаров). С. 382.

¹⁷ Там же. С. 382–383.

¹⁸ *Врангель А. Е., бар.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири 1854–56 гг. СПб., 1912. С. 20.

эту операцию, — говорил мне Дуров, указывая на одну из стен”». Этот рассказ о возможной личной встрече Дурова и Григорьева в Омске также может быть подтверждён временными совпадениями. В 1849 г. Григорьев был отправлен в Нерчинскую каторгу, где его психическое заболевание обострилось, поэтому в 1856 г. он был выпущен на поселение, а в 1857 г. — отправлен под надзор семьи в Нижнем Новгороде как неизлечимо больной человек. В свою очередь, Дуров жил в Омске именно в 1855–1857 гг., когда Григорьеву «разрешено было выехать в Россию».

Однако в целом этот рассказ Дурова о Григорьеве интересен не только и не столько как некое историческое свидетельство, которое следует подтверждать (или опровергать) другими историческими фактами. Свои «Воспоминания» Потанин писал уже в начале XX в., поэтому истории и факты, прямо не связанные с его собственной жизнью и научными исследованиями, вполне могли быть, хотя бы отчасти, искажены и перепутаны.

Его текст о петрашевцах Дурове и Григорьеве, в сущности, это такой сибирский миф о петрашевцах, о их эшафоте, страдании, политических взглядах и политической борьбе. Самое главное для Потанина в этом творимом им самим мифе состоит в том, что именно петрашевцы, по его мнению, «совершили метаморфозу» рождения регионального «сибирского движения»¹⁹, сибирского областничества, лидером которого он был. «Мы были молоды, бескорыстны и <...> думали об общем деле»²⁰ политического и культурного развития Сибири. И образцом для молодых сибиряков здесь стали петрашевцы, миф о которых и сотворил благодарный им Потанин в своих поздних «Воспоминаниях».

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-012-90020\18.*

¹⁹ Потанин Г. Н. Воспоминания. С. 119.

²⁰ Там же.